

С.В. БУТЕНКО
(Волгоград)

**РОССИЯ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР
МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ:
ИСТОРИОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ**

Рассматриваются историософские аспекты проблемы взаимодействия восточного и западного культурных компонентов в русском историческом сознании. Философское осмысление истории России опирается как на труды отечественных мыслителей конца XIX – начала XX в., так и на работы современных историков, политологов и социальных философов. Проблема поиска «русского пути» в истории и культуре и сегодня является актуальной для отечественного и зарубежного социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: *историософия, менталитет, ментальные установки, «западники» и «славянофилы», историческое сознание, национальная идея, диалог культур.*

Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

А. Блок. Скифы

Начиная с XIX в. российские историки, философы и писатели оживленно обсуждают вопрос взаимоотношений России с государствами Запада и Востока. Изучаются проблемы становления России в контексте ее геополитического положения как евразийской державы, взаимодействия русской культуры с культурами указанных регионов, поднимаются вопросы выбора дальнейшего пути развития нашего государства [14, с. 281–335]. Зачастую разработка концепции «Россия – Запад – Восток» и подобных ей направлена на изучение сотрудничества государств в политической и экономической сферах, в то время как исследованиям взаимодействия культур уделяется меньше внимания.

Именно в связи с этим актуальным представляется исследование феномена российско-го менталитета в условиях влияния культурных

ценностей Запада и Востока, их роли в историческом становлении идентичности современного российского общества [16, с. 29–34]. В отечественном социально-гуманитарном знании отправной точкой становления русской философии традиционно считается публикация в 1836 г. «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Размышления о месте России в мировом сообществе, раскрываемые на страницах «писем», явились мощнейшим ударом по «теории официальной народности». По мнению П.Я. Чаадаева, в истории России доминируют «дикое варварство» и «грубое суеверие». Россия не принадлежит «ни к Западу, ни к Востоку», а мы «не имеем традиций ни того, ни другого». И своеобразным итогом размышлений П.Я. Чаадаева можно считать его слова: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили» [19, с. 330].

Журнал «Телескоп», в котором было опубликовано первое из восьми писем П.Я. Чаадаева, был закрыт, редактор журнала Н.И. Надеждин был сослан, а самого П.Я. Чаадаева император Николай I объявил умалишенным. «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного: это мы узнаем непременно, но не извинительны ни редактор журнала, ни цензор. Велите сейчас журнал запретить, обоим виновных отрешить от должности и вытребовать сюда к ответу», – писал император [11, с. 413]. С этого момента в обществе начинаются бурные споры о месте и значении России в контексте мировой истории, в ходе которых определяются два основных направления русского либерального течения: западничество и славянофильство.

Славянофильство как течение русской общественной мысли сформировалось в 40-е гг. XIX в. и ориентировалось на выявление традиционных особенностей России, её отличного от западноевропейского пути развития. В работах славянофилов прослеживается идея самобытности России. Ее культура, историческое поведение, русский менталитет не сопо-

ставимы по своей структуре ни с западными, ни с восточными вариантами. «Славянофильская мысль представляет собой, по сути, разновидность символической философии, имеющей своим предметом Волю как символическую реальность и природу человеческого духа. Она не отсылает и не предполагает отсылать к чему-либо актуальному» [10, с. 285–315]. Идеи славянофилов будут положены в основу теории панславизма, в которой Россия рассматривалась как покровительница и объединительница всего славянского мира [18, с. 194–233].

В отличие от славянофилов, видевших возрождение России в возвращении к традициям, западники стремились к совершенствованию русского общества на основе западно-европейского опыта. Европа, по представлениям западников, направляет свет прогресса в Россию, которая должна вобрать в себя наиболее передовые достижения европейской цивилизации.

Тема «Запад и Восток» не может рассматриваться только в историческом контексте. Споры западников и славянофилов, начавшиеся в XIX в., продолжают и сейчас, год за годом, десятилетие за десятилетием возвращая исследователей к проблеме преобразования современной им социальной реальности. Вопрос о роли и месте России в мировом сообществе, ее дальнейшем пути развития актуализируется не только в современной политической, идеологической, культурной реальности, но и на страницах исторических и социально-философских исследований.

Рассматривая Россию сквозь призму диалога культур России, Запада и Востока, представляется необходимым определить отношение России и к Западу, и к Востоку. Н.А. Бердяев в своем произведении «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» отмечает: «Россия может сознать себя и свое призвание в мире лишь в свете проблемы Востока и Запада. Она стоит в центре восточного и западного миров и может быть определена как Востоко-Запад» [2, с. 131]. И географически, и исторически Россия всегда сочетала в себе Запад и Восток, в чем и состоит ее особенность по сравнению с другими цивилизациями.

Не секрет, что на протяжении всей истории нашего государства отношения между Россией и Западом были натянутыми из-за агрессивности западных стран. Россия периодически подвергалась нашествиям и насильственной экспансии со стороны европейских государств

(польско-литовские и германские вторжения, поход Наполеона и т. д.). При этом та же Великобритания предпочитала действовать против России чужими руками (русско-турецкие войны, фултонская речь У. Черчилля), опасаясь открытого противостояния с ней. Отношения между Западом и Россией чаще носили для России «неравноценный и даже унижительный характер. В ней чаще видели угрозу, ее называли “медведем”, “жандармом”, “колоссом на глиняных ногах”, “сарматской страной”, “варварской Скифией”, “империей зла”» [8, с. 5–9].

Современные международные отношения ярко демонстрируют «подозрительность и недоверие Запада по отношению к России. Это проявляется наглядно и в “балканских делах”, и в навязывании НАТО своих стандартов и подходов» [Там же], и в политике двойных стандартов по отношению к России. «Довольно точно описывает политику двойных стандартов США американский военный эксперт Дэниэл Дэвис: “Мы также рекомендуем России не сотрудничать с Ираном, а сами предоставляем Грузии военных советников; мы заявляем, что Россия ни при каких условиях не имеет права держать свой военный контингент на Кубе, но при этом пренебрежительно говорим российской стороне, что она не имеет права голоса в вопросе расширения нашего военного альянса прямо до границ России”» [6, с. 106–107].

С 90-х гг. XX в. в российском обществе развивается идея о несостоятельности русской культуры, которая не соответствует понятиям цивилизованного развития европейского (и американского) общества. Через массовую культуру (в первую очередь фильмы) происходит американизация российского общества, когда реальность индивидуумами воспринимается сквозь призму европейского взгляда на общественное развитие. Зашоренные шаблонами «демократического общества», европейцы перестают быть разумными в своих суждениях и действиях, веря в истинность выбранного пути и заменяя человечность нормативно-правовыми актами.

Непредсказуемость мышления русского человека, его ментальные особенности (выходящие за рамки шаблонов западной цивилизации, не понимаемые, а потому игнорируемые ими) пугают европейцев, стремящихся не к сотрудничеству с Россией, а к ее подчинению. В 1940-х гг. директор ЦРУ А. Даллес разработал доктрину всеохватывающей борьбы против Советского Союза, которой европейское об-

щество следует до сих пор: «Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить... Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности» [4]. Действительно, современные зарубежные фильмы насаждают в российском обществе абсолютно чуждые ценности, затмевающие исконно русские представления о добре и зле, о верности и чести, о любви и ненависти. И если люди средних лет, воспитанные на классическом русском (советском) искусстве, способны критически оценивать события, разворачивающиеся на экранах, то подрастающее поколение воспринимает их как реальность. Однако борьба за уничтожение российских ментальных установок и ценностей привела и к разрушению идентичностей западного общества. Исследователям не стоит забывать слова канцлера Германии Бисмарка: «Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью».

Разрушение СССР привело к падению «главного врага» западных «демократических» ценностей. С международной политической арены исчезает образ противника, а вместе с ним начинают разрабатываться и общественные ориентиры развития, направленные на поддержание состояния борьбы, отвлечения от внутривнутриполитических проблем. В этой связи начинает конструироваться образ нового врага (борьба с терроризмом), удобно совпадающего с геополитическими конкурентами США. Невозможно не согласиться с И.В. Никитиной, утверждающей, что «с точки зрения моральных норм и законов западного “цивилизованного общества” обоюдовыгодное сотрудничество – это миф. Хорошей сделкой считается только сделка, которая приносит прибыль Западу, даже если она оборачивается чистым убытком для России» [12, с. 76].

Отличительной особенностью западной цивилизации на протяжении всей ее истории является стремление представить и объяснить развитие общества с позиции рационализма, сформировать четкие философские законы феномена европейского менталитета [17]. Нужно отметить, что под «Западом» многими исследователями понимается техногенная цивилизация, сложившаяся в странах Европы и распространившаяся на США, а позже и на Японию. Стремление к захвату природных богатств, дающих толчок к дальнейшему разви-

тию техногенной революции, непрерывное изменение социальных связей общества, вызванное процессом глобализации, – то, что происходит в настоящий момент в Европе. Крушение ментальных установок общества, потеря своей национальной, культурной и исторической идентичностей народами приводят к изменению ценностных ориентиров западной цивилизации. Европейская модель интеграции общества зашла в тупик, т. к. большое количество иммигрантов (в первую очередь, из мусульманских стран) не разделяют исконные ценности европейского общества.

В этой связи дальнейший путь развития российского общества представляется в возврате к традиционным культурным ценностям русского народа, его соборности, определяющее значение которого утверждалось еще славянофилами. Эта идея не нова, но актуальна до сих пор. Впервые она звучит у псковского старца Филофея в теории «Москва – Третий Рим»: *«Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»*. Фактически, указывая на утверждение традиционных ценностей, основанных на вере, теория Филофея становится духовным стержнем и идеологической платформой развития русского самосознания на протяжении долгого времени. В стихотворении «Панмонголизм» В. Соловьёв писал:

*Когда в растленной Византии
Остыл божественный алтарь
И отрекся от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, –
Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чуждой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.*

Отказ европейского общества от духовного начала привел к разрушению культурных ценностей Запада. События, так точно описанные В. Соловьёвым, мы наблюдаем сейчас в Европе, которая «склоняется во прах» под натиском мусульманских народов с Востока. В своей поэме «Скифы» А. Блок предостерегает западную цивилизацию:

*Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставит пушек жерла!*

а также:

*О старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!*

и своеобразным итогом можно считать такие слова А. Блока:

*Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.
Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!*

Говоря о менталитете и национальной идее России, нужно учитывать тот факт, что сохранение культурной и исторической идентичностей не призывает к их замкнутости (локализации), если, конечно, процесс усвоения чужих элементов не противоречит ментальным установкам общества и не приводит к культурной ассимиляции. Ярким примером подобного культурного сотрудничества является процесс принятия христианства на Руси, когда византийская культура во всем ее великолепии (православие, иконопись, основы архитектуры) была принята славянами, а цивилизационные принципы (хитрость, вероломство, коварство) были отторгнуты. И.В. Никитина справедливо отмечает: «Как царская Россия, так и Советский Союз были разрушены при помощи мифа о “тюрьме народов”. Разыгрывание “национальной карты” продолжается и сегодня, с прицелом на уничтожение современной России. И опять-таки используется манипуляция: бомбежка грузинскими войсками Цхинвала подается как защита от российской агрессии. Мишенью в данном случае является не тот или иной политический режим (монархия, советская республика или республика демократическая), а русская цивилизация как таковая, как возможный или реальный конкурент на мировой арене» [12, с. 77].

Особенностью западной цивилизации и западного менталитета является эгоцентричность; при этом она всегда проявлялась и проявляется в крайне агрессивных формах. Возникновение Соединенных Штатов Америки происходило посредством захвата земель индейцев, становление Англии – за счет колониального мира, а главной причиной Первой мировой войны становится борьба за передел сфер влияния. При этом уничтожение коренного населения какой-либо страны часто и сегодня ведется под лозунгами «борьбы за права» других народов.

Черты эгоистичности характерны не только для политики западных государств, но и для ментальных установок общества. Главенству-

ющие позиции в западной цивилизации занимают индивид и его интересы, реализация которых зависит от социального положения последнего в обществе, тогда как интересы общности отодвигаются на второй план. Традиции воспринимаются как пережиток, который препятствует развитию современной цивилизации, а не способствует укреплению ментальных установок в обществе. Исчезновение духовных ориентиров, замена их материальными успехами и благами приводят к моральной деградации общества, в котором индивид, сталкиваясь с трудностями, не пытается их преодолеть, а решает радикальным путем (расстреливая прохожих, заканчивая жизнь самоубийством и т. д.). Как бы ни стремилась Россия к сотрудничеству с Западом, на пути их взаимоотношений будут возникать проблемы, так точно выраженные Р. Кипплингом: «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Конечно, это – своеобразная мифологема. Но для Европы Россия всегда будет относиться к странам восточного мира, тогда как для Востока наша страна представляется составляющей Запада.

Стоит отметить, что вопросу взаимоотношений России и Запада уделялось всегда больше внимания в проблематике «русского пути», тогда как тема «Россия и Восток» либо не изучалась вообще, либо оставалась на втором плане. В современном мире интерес к странам Востока стремительно растет, что вызвано, с одной стороны, политической и демографической ситуацией (если иметь в виду иммигрантов из мусульманских стран), сложившейся в Европе, с другой стороны, процессом становления и развития информационного общества, одним из центров которого становится Япония. При этом некоторые исследователи Японии, выступающую в авангарде научных открытий, относят больше к Западу (в процессе техногенной революции), нежели к Востоку (с его традиционным консерватизмом). В философии Востока исследователи ищут ответы на вопросы укрепления традиционных духовных ценностей общества, утраченных в погоне за материальными благами современного мира.

На XIX век приходится новая волна интереса к Востоку, когда в состав нашего государства входят народы Кавказа и Средней Азии. В результате этих событий русский народ открывает для себя многообразие восточной культуры (турецкой, персидской), а восточные ценности и мотивы, понятные для открытой русской души, проскальзывают в нашу культуру (тема Кавказа раскрывается в произ-

ведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и др.).

Невмешательство индивидуума в процессы постепенного общественного развития, приверженность семейным ценностям, культурная доминанта в становлении цивилизации – то, что характеризует эволюцию восточного социума. О роли восточного региона в становлении и развитии России писал Ф.М. Достоевский в своем произведении «Дневник писателя», отмечая: «Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [5, с. 504]. Необходимость поворота общественного сознания на Восток, осознания себя евразийским народом на основе западной цивилизации и восточного менталитета – тема, характерная для русской общественной мысли XIX – XXI вв.

При этом, как отмечает И.В. Никитина, Восток так же эгоистичен, как и Запад, но в отличие от последнего эгоизм Востока «окультурен». Являясь искусными дипломатами, представители Востока не стремятся к ежеминутным результатам, предпочитая постепенное увеличение своего влияния на тех или иных территориях, а истинность чувств и мыслей сокрыта от собеседников рамками приличия и этикета. В связи с этим в России должна быть выработана и четко определена политическая линия, нацеленная на укрепление многонациональной страны – как на мировой арене, так и при решении внутривосточных задач.

Главенствующим остается вопрос о месте России в этом диалоге культур и о возможности становления и развития «русской идеи» в современном обществе. Наша страна занимает особенное положение среди мировых цивилизаций, и выражено это, в первую очередь, в ее геополитическом положении как евразийской державы. Взаимодействие с восточными и западными соседями в конечном счете привело в России к формированию своей специфической культуры. В концепции евразийства нужно отметить стремление исследователей рассмотреть философские, исторические, общественные предпосылки и следствия формирования русской культуры, вытекающие из осо-

бого положения России. Оценивая работы евразийцев, Н.А. Бердяев отмечает: «...они верно чувствуют, что Европа перестала быть монополистом культуры, что культура уже не будет исключительно европейской, что народы Азии вновь войдут в поток мировой истории» [1, с. 134]. Однако евразийцы, пытаясь «отмежеваться от Европы», зачастую уходят от объективного рассмотрения культурологемы «Россия–Запад–Восток», концентрируются на борьбе с европеизмом и подвергаются за это критике со стороны коллег. Взаимодействие России как с Западом, так и с Востоком – сложный вопрос, основанный на культурном синтезе мировых цивилизаций, требующий детального изучения и интерпретации, т. к. необоснованные выводы могут привести к становлению националистических идей в обществе.

Развитие России происходило за счет своих внутренних ресурсов. Присоединение территорий приводило к вливанию народов, не только становившихся частью исторического развития нашего государства, но и оказывавших влияние на формирование особой культуры, основанной на поддержании национальных традиций в обществе. Ментальные установки русского народа, основанные на коллективизме, доверии, сотрудничестве и взаимопомощи, сочетались с представлениями национальных меньшинств, формируя наш суперэтнос. Попытки разрушения нашей цивилизации военным путем приводили к укреплению русского народа, объединяющегося против внешней агрессии.

Л.Н. Гумилёв в своей книге «От Руси до России» пишет: «Разнообразие ландшафтов Евразии благотворно влияло на этногенез ее народов. Каждому находилось приемлемое и милое ему место: русские осваивали речные долины, финно-угорские народы и украинцы – водораздельные пространства, тюрки и монголы – степную полосу, а палеоазиаты – тундру. И при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы сопротивляемости, разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимости от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых» [3, с. 382–383].

Главной проблемой русского общественного сознания является вопрос о формировании национальной идеи. Именно в России ярко проявляется самобытность культуры,

основанная на многовековом синтезе традиций народов, вошедших в состав нашего государства. Уважение к западной модели научного рационализма, вошедшее в нашу культуру в период Петра I, зачастую приводит к абсолютизации западного опыта и отвержению национальных, исторических и культурных идентичностей нашего общества. Созданные современным обществом ценности приводят к моральной деградации человека, происходит смена ориентиров на ментальном уровне. Поэтому когда человек сталкивается с трудностями реальной жизни, он зачастую реагирует на проблемные ситуации неадекватно. Необходимо осознание того, что нет нужды внедрять европейский менталитет во всем его многообразии в русскую действительность. Упомянутая практика приводит не к развитию общества, а к разрушению его ментальных установок (о чем свидетельствует деструктивное поведение российского социума в период 90-х гг. XX в.).

В настоящее время гораздо важнее продолжать борьбу за сохранение культурных ценностей и ментальных ориентиров российского общества, чем пытаться «догнать Европу». В этой связи важное место в развитии общества занимает феномен исторической идентичности, направленный на формирование гражданина России и его самоидентификацию в социуме. Как нам кажется, под исторической идентичностью необходимо понимать не только «процесс самоопределения в конкретном историческом пространстве» [9, с. 45], но и процесс признания личностью своей истории в свете объективного изложения ее фактов. К сожалению, как показывает практика, подрастающее поколение не стремится к осознанию своего Я (ментальным ценностям достаточно трудно пробиться сквозь «клиповое мышление» и установки, навязанные современной зарубежной культурой), а зрелое поколение в погоне за материальным благополучием теряет не только свою историческую идентичность, но и культурные ценности, превращаясь из русской нации в «общество XXI века».

Н.Г. Козин в своей статье «Идентификация. История. Человек», говоря о роли идентичности и идентитета, определяет следующее: «Идентитет – это продукт сознания, доспешего до высших форм самосознания, до осознания сущности своего “я” в истории, которое дается человеку через акты связывания и отождествления себя с коллективными сущностями своей локальной цивилизации, культу-

ры, исторической эпохи. В этом смысле идентичность манифестирует все основные символы включенности индивида в сообщество» [7, с. 37–48]. Осознание своей истории, исторических корней приводит к тому, что человек связывает себя невидимой нитью с событиями прошлого своего народа, своих предков, утверждая преемственность поколений в развитии духовных ценностей общества, синхронизирует свои действия с эволюцией этого общества в целом, что может выступать гарантом прочности и дальнейшего развития социума [15, с. 49–54]. Данный тезис видится нам вполне справедливым, ведь «настоящее – всего лишь поверхность, почти не имеющая толщи, тогда как глубинное – это прошлое, сложенное из бесчисленных настоящих, своего рода слоеный пирог из моментов настоящего» [13, с. 164].

Историческая идентичность приводит к укреплению духовных основ истории, наполняя индивидуума социальными и культурными ценностями, определяя его ментальные установки, предоставляя возможность самостоятельного развития в условиях влияния соседних цивилизаций. Сохранение преемственности поколений, целостности исторического развития приводит к усилению нравственных ориентиров, заменяя материальные блага духовными. И благодаря этому человек обретает смысл существования, наполняя его ценностями и святынями, наделяя свое бытие духовной устойчивостью.

С другой стороны, отказ от своей идентичности, подмена исторических событий, искажение фактов приводят к кризису не только исторической, но и всей идентичности в целом. Человек приобщается к традициям и культурным нормам общества через познание его прошлого, отказ от которого приводит к изменению ориентиров дальнейшего развития. Примерами кризиса идентичности являются события, происходящие в государствах Восточной Европы, когда памятники, установленные героям Второй мировой войны, объявляются вне закона, когда Советская власть становится для подрастающего поколения символом оккупации, когда кумирами общества объявляются военные и политические деятели, признанные мировым сообществом на Нюрнбергском и других процессах военными преступниками. Этот распад базовых ценностей, основанных на историческом прошлом народа, приводит к разрушению социальной ткани общества: старые основы разрушены, а новые соци-

умом еще не созданы, и человек остается одиноким, оторванным от общества, которое для него становится чужим. Отрицание истории и идентичности в конечном счете приводит к ненависти ко всему, что отрицается этим обществом.

Ментальные разрывы прошлого (октябрь 1917 г., август 1991 г.) показали, насколько важна приверженность традициям и культуре своего народа. Последовавшие за этими разрывами кризисы заставили российское общество в течение долгого времени искать новые ориентиры в своем развитии. В 1990-е гг. ментальные установки нашего социума принимают прозападную направленность, выраженную в слепом подражании чуждым нам ценностям. Вера в демократичность Европы привела к падению нравственности, культурной дезориентации, хаосу в историческом самосознании.

Поворот на Восток, происходящий в последнее время, должен проводиться с учетом ошибок прошлого. Лишь общество, имеющее крепкий культурный фундамент, способно критично относиться ко всем событиям, происходящим на мировой арене. В этой связи необходим возврат к традициям и духовным ценностям русского народа. Появление же национальной идеи, понятной абсолютно каждому гражданину России, формирование духовно-идеологических ориентиров развития общества приведут к возрождению российского общества в целом, завершат процесс становления России как самостоятельного государства, развивающегося независимо от приоритетов как Запада, так и Востока.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Филос. о-во СССР, 1990.
3. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: АСТ, 2002.
4. Даллес А. Доктрина. Россию надо поставить на место! М.: Эксмо: Алгоритм, 2011.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14.
6. Казанцева В.Н. Политика «двойных стандартов» в современном обществе // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4.
7. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человеческий мир // Вопросы философии. 2011. № 1.
8. Любушин В.И. Россия между Востоком и Западом. К понятию культурного «моста» в «диа-

логе культур» // Россия между Западом и Востоком. Вып. II. Омск, 2001.

9. Мазур Ю.Ю. Идентичность в условиях глобализации и регионализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 6.

10. Малявин В. Россия между Востоком и Западом: третий путь? // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. Т. 3.

11. Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909.

12. Никитина И.В. Менталитет в цивилизации и культуре Востока и Запада // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 2.

13. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Кризис сознания. М., 2009.

14. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века»: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

15. Полежаев Д.В. Национальное сознание: ментальное осмысление феномена // Философия социальных коммуникаций / ВИЭСП. 2011. №1 (14). С. 49–54.

16. Полежаев Д.В. Российская идентичность в исторической динамике: ментальные аспекты исследования // Primo Aspectu. 2015. Т. 20. № 2(155). С. 29–34.

17. Полежаев Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Волгоград, 2011.

18. Полежаев Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление: монография / ВГИПК РО. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.

19. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 1.

* * *

1. Berdjajev N.A. Evrazijcy // Put'. 1925. № 1. S. 134–139.

2. Berdjajev N.A. Sud'ba Rossii. Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti. M.: Filos. o-vo SSSR, 1990.

3. Gumil'jov, L.N. Ot Rusi do Rossii. Oчерki jetnicheskoj istorii. M.: AST, 2002.

4. Dalles, A. Doktrina. Rossiju nado postavit' na mesto! M.: Jeksmo: Algoritm, 2011.

5. Dostoevskij F.M. Sобрание sochinenij: v 15 t. SPb.: Nauka, 1995. T. 14.

6. Kazanceva V.N. Politika «dvojn'yh standartov» v sovremennom obshhestve // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2014. № 4.

7. Kozin N.G. Identifikacija. Istorija. Chelovek // Voprosy filosofii. 2011. № 1.

8. Ljubushin V.I. Rossija mezhd' Vostokom i Zapadom. K ponjatiju kul'turnogo «mosta» v «dialoge kul'tur» // Rossija mezhd' Zapadom i Vostokom. Вып. II. Омск, 2001.

9. Mazur, Ju.Ju. Identichnost' v uslovijah globalizacii i regionalizacii // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2013. Vyp. 6.

10. Maljavin V. Rossiya mezhdru Vostokom i Zapadom: tretij put'? // Inoe. Hrestomatija novogo rossijskogo samosoznaniya. M., 1995. T. 3.

11. Lemke M. Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg. Spb., 1909.

12. Nikitina, I.V. Mentalitet v civilizacii i kul'ture Vostoka i Zapada // Obshestvo. Sreda. Razvitie. 2009. № 2.

13. Ortega-i-Gasset H. Degumanizacija iskustva // Krizis soznaniya. M., 2009.

14. Polezhaev D.V. Ideja mentaliteta v russkoj filosofii «zolotoj vek»: monografija. Volgograd: Izd vo VolGU, 2003.

15. Polezhaev D.V. Nacional'noe soznanie: mental'noe osmyslenie fenomena // Filosofija social'nyh kommunikacij / VIJeSP. 2011. № 1 (14). S. 49–54.

16. Polezhaev D.V. Rossijskaja identichnost' v istoricheskoj dinamike: mental'nye aspekty issledovanija // Primo Aspectu. 2015. T. 20. № 2 (155). S. 29–34.

17. Polezhaev D.V. Russkij mentalitet: opyt social'no-filosofskogo analiza: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. Volgograd, 2011.

18. Polezhaev D.V. Russkij mentalitet: social'no-filosofskoe osmyslenie: monografija / VGIPK RO. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007.

19. Chaadaev P.Ja. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma: v 2 t. M.: Nauka, 1991. T. 1.

Russia – dialogue of cultures between “East” and “West”: aspects of philosophy of history

The article deals with the historiosophical aspects of the issue of cooperation of the eastern and western cultural components in the Russian historical mind. The philosophic comprehension of the Russian history is based on the works by both domestic thinkers of the end of XIX –beginning of the XX centuries and by modern historians, political experts and social philosophers. The issue of the search for “the Russian way” in history and culture is urgent for the domestic and foreign social and classical knowledge.

Key words: *philosophy of history, mentality, mental guidelines, “Westerners” and “Slavophil”, historic thinking, national idea of the dialogue of cultures.*

(Статья поступила в редакцию 30.09.2016)

Е.В. ПЕРЕРВА
(*Волгоград*)

МАРКЕРЫ СТРЕССА У САРМАТОВ I–II вв. н. э. НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (палеопатологический аспект)*

Исследуется характер проявления маркеров стресса у представителей среднесарматского времени. Костные останки как источник исследования происходят из подкурганых захоронений с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. При проведении палеопатологического анализа использовалась методика палеопатологического обследования, разработанная А.П. Бужиловой (1995, 1998).

Ключевые слова: *маркеры стресса, палеопатология, сарматы, Нижнее Поволжье.*

Памятники среднесарматской культуры как культурно-хронологического явления были выделены П.Д. Рау в 1927 г. (Stufe A) [55]. Среднесарматская культура иногда именуется суловской по эпонимному памятнику – Суловскому курганному могильнику, исследованному в 1924-м и 1926 гг. П.С. Рыковым [27].

Классическая схема хронологии среднесарматской культуры была разработана К.Ф. Смирновым, который отнес ее к концу II – началу I в. до н. э. Проблема смены раннесарматской культуры среднесарматской в современной сарматологии является одной из наиболее дискуссионных. К концу 80-х гг. XX в. накопился материал, указывающий на переживание некоторых раннесарматских элементов до рубежа эр, а основная часть среднесарматских комплексов датируется I в. н. э., граница между ранне- и среднесарматской культурами была отодвинута к рубежу эр, а само становление археологического комплекса среднесарматской культуры связывается с приходом в Волго-Донские степи из глубин Азии аланов [34; 36; 31; 32; 28; 29]. Ведущую роль в разработке проблем новой хронологии археологических комплексов среднесарматской культуры сыграли работы А.С. Скрипкина [34], И.В. Сергацкова [30], А.А. Глухова [15]. В результате их обобщающих исследований было установлено время существования среднесарматской культуры (I – вторая половина II в. н. э.).

* Работа выполнена в рамках реализации проекта № 15-01-00063 «Палеопатология сарматского населения Южнорусских степей», поддержанного грантом РФНФ.